

ТИМУР МАЙСАК
(Москва, МГУ)

timik@isabase.philol.msu.ru

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРФЕКТИВ: РАННИЕ СТАДИИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Историческая эволюция языка включает постоянное превращение лексических единиц в грамматические; в определенном смысле верно, что грамматика получается из лексики, потому что «иначе ее неоткуда было бы взять». Так, в русском языке предлог *благодаря* и союз *хотя* восходят к формам деепричастий глаголов *благодарить* и *хотеть*, соответственно; в английском языке источниками форм будущего времени *will do, shall do, is going to do* явились конструкции с модальными глаголами со значением 'хотеть' и 'быть должным', а также глаголом движения 'идти'.

В этих случаях мы имеем дело с процессом **грамматикализации**, процессом превращения лексической единицы в грамматический показатель. Процессы грамматической эволюции являются в последнее время (приблизительно с начала 80-х годов) предметом интенсивного теоретического обсуждения в западной лингвистике. Ключевыми работами в рамках так называемой «теории грамматикализации» являются прежде всего монографии К. Лемана, Б. Хайне, П. Хоппера и Э. Траугот [Lehmann 1982/1995; Heine, Reh 1984; Heine et al. 1991; Hopper, Traugott 1993], а также работы Дж. Байби и Э. Даля по типологии грамматических категорий в языках мира [Bybee 1985; Dahl 1985; Bybee, Dahl 1989], в особенности [Bybee et al. 1994].

О конкретном случае эволюции лексического элемента в сторону грамматического говорят как о некотором пути грамматикализации (ср. английские эквиваленты — *path* или *channel of grammaticalization*). В идеальном случае путь этот можно представить себе как имеющий начало и конец: будем, соответственно, говорить об источнике грамматикализации (которым является лексическая единица или, точнее, конструкция) и ее результате (грамматическим показателем). Грамматикализация является процессом градуальным, так что можно, естественно, говорить о «более» и «менее» грамматикализованных показателях.

1. Грамматикализация перфективных значений: частные пути грамматикализации

Аспектуальная семантическая зона в целом включает множество категорий, которые характеризуют ситуацию «изнутри», с точки зрения ее протекания во времени (так наз. «внутреннее время» ситуации). Одним из основных противопоставлений здесь можно считать противопоставление длящихся и недлящихся ситуаций; вслед за Б. Комри [Comrie 1976] мы будем говорить в данном случае об имперфективных и перфективных значениях, соответственно.¹

Перфективные значения представляют ситуацию как целое (как ограниченную определенным временным интервалом), либо «высвечивают» один из переломных моментов в ее развитии — например, акцентируют внимание на начальной фазе ситуации (инхоатив) или ее результирующей фазе (собственно комплетив). О разновидностях перфективного значения см. также [Плунгян 1998а].

---

¹ См. также [Плунгян 1998б: 29-43], где предлагается достаточно подробный анализ внутреннего устройства аспектуальной зоны.

Одним из источников показателей значений из перфективной области являются конструкции с различными глаголами; рассмотрим некоторые из путей грамматикализации перфективных значений на примере глаголов движения.

В целом, аспектуальные значения преобладают в качестве итоговых значений грамматикализованных конструкций с глаголами движения. Приобретение **комплетивного** значения ‘ситуация Р достигла предела, результата своего развития’ отмечается у глаголов ИДТИ / УХОДИТЬ (во многих дравидийских, тюркских языках, в некоторых иранских, тайских и др.) и ПРИХОДИТЬ (романские, тюркские языки), а также ВЫХОДИТЬ (некоторые тюркские, таджикский) и ПРОХОДИТЬ, ПЕРЕХОДИТЬ (некоторые тюркские, таджикский, малаялам). Ср. пример (1) из башкирского языка, а также (2) из телугу, в котором комплетивная конструкция с глаголом УХОДИТЬ употребляется со смысловым оттенком «полного охвата объекта»:²

(1) башкирский [Юлдашев 1965: 81-83]

Сәй кайна-п сыкты.
чай кипеть-CONV вышел
Чай вскипел.

(2) телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 215]

annaṁ tin-eesEEDu.
еда.ОБJ есть.PART-УШЕЛ
Он съел еду (всю до конца).

В ряде случаев перфективная конструкция с глаголом движения может иметь значение не только комплетивное, но скорее инхоативное. Так, в нижеследующих примерах (глаголы *chegar* и *vir* оба значат ‘приходить’) речь идет о том, что развитие ситуации привело в точке отсчета к некоторому результату, причем в (4) таким результатом является наступление новой ситуации, а не достижение предела ситуации, уже имевшей место, как в (3):

(3) португальский [Вольф, Никонов 1965: 106]

O velho barão veio a morrer.
DEF.M старый барон ПРИШЕЛ к умереть
Старый барон (в конце концов) умер.

(4) португальский [Никонов 1981: 161]

Houve um murmúrio, alguns chegaram a gritar.
имелся IND.M ропот некоторые ПРИШЛИ к кричать
(По толпе) прошёл ропот, некоторые закричали.

Аналогичное употребление допускают и конструкции с глаголами *куру* ‘приходить’ и *ику* ‘уходить’ с деепричастиями в японском языке: если в первом случае акцент делается на достижение ситуацией предела, то во втором, напротив, на начале процесса [Алпатов (рукопись)].

Преобразование в чисто **инхоативный** показатель, обозначающий начальную фазу ситуации, характерно для нескольких глаголов движения: глагол ИДТИ грамматикализуется в показатель инхоатива в таких тюркских языках, как якутский и долганский, а также в некоторых языках банту и в фарси-кабули³, глагол ПРИХОДИТЬ — в океанийских языках и

² Следует отметить, что такие «оттенки значения», как полный охват объекта или интенсивность, в целом характерны для форм с комплетивным значением [Vubee et al. 1994: 57-60].

³ Ср. также случай русск. глагола *пойти* ‘начать идти’ (в предложениях типа *Он как пойдет рассказывать — не остановишь*): хотя данная конструкция и не является стилистически нейтральной, мы имеем

в языке гусии (банту), глагол ВЫХОДИТЬ — в тувинском, ПОДНИМАТЬСЯ — в кхмерском, китайском, вьетнамском. Значение инхоатива является также единственным из встретившихся нам итоговых значений грамматикализации для глагола ВХОДИТЬ (в некоторых тюркских языках и хауса), ср.:

- (5) хауса [Смирнова 1960: 54, 70]
Suka **shiga** **nema.**
они.PST **входить** **искать**
Они приступили к поискам...

Отметим, что конструкции с глаголами движения распространены и в качестве средств выражения более частных видовых значений: так, конструкция с глаголом СПУСКАТЬСЯ имеет в ряде тюркских языков **аттенуативное** значение ‘ситуация Р имеет ослабленную интенсивность: *чуть-чуть, слегка*’ [СТЛЯ 1969: 283; ГСБЯ 1981: 229], а в некоторых обозначает **моментальность**, быстроту совершения действия [Харитонов 1960: 69; Исхаков, Пальмбах 1961: 414; СТЛЯ 1969: 282; ГХЯ 1975: 185; Убрятова 1985: 155].

2. Аналитический перфектив: системы перфективаторов

В предыдущем разделе мы рассматривали конструкции с конкретными глаголами движения, сопоставляя каждую конструкцию с определенным значением. Как мы видели, конструкции с глаголами ИДТИ/УХОДИТЬ, ПРИХОДИТЬ, ВЫХОДИТЬ и ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ используются для выражения комплетивного значения в ряде языков. Этим конструкциям могли быть в той или иной степени свойственны определенные ограничения на сочетаемость с основным глаголом; однако в целом предполагалось, что возникновение комплетивного значения у конкретной конструкции не связано со значением прочих конструкций с глаголами движения в том же языке.

В настоящем же разделе мы рассмотрим весьма любопытные случаи другого рода, когда в пределах одного языка конструкции с глаголами движения имеют *одну и ту же функцию* (выражают перфективное значение), при этом разные глаголы движения *распределены* в зависимости от типа основного глагола.

Тем самым, в языках, рассматриваемых ниже, имеет место распространение сочетаемости с глаголами движения на весь (или практически весь) глагольный лексикон — таким образом, любая ситуация, не только совместимая с идеей о перемещении в пространстве, может быть представлена как развивающаяся в том или ином направлении. В случае сочетания с глаголами, не связанными с идеей перемещения, о направительной функции глаголов движения можно говорить, конечно, лишь условно. В целом же глаголам движения свойственна в данном случае особая функция: они выступают в качестве квази-словообразовательных элементов, связанных с выражением аспектуальных характеристик ситуации. Глаголы движения в данной функции выступают как механизм «перфективации»: конструкции с ними обозначают не ситуацию как таковую, а определенную *выделенную точку* в составе ситуации.

2.1. Китайский вариант

В китайском языке глаголы движения shàng ‘подниматься’, qǐ ‘подниматься (двигаться строго вверх)’, xià ‘спускаться’, chū ‘выходить’, jìn ‘входить’, guò ‘проходить’, huí ‘двигаться обратно (возвращаться)’, kāi ‘двигаться в сторону’ выступают в качестве мо-

---

дело с бесспорным случаем грамматикализации данного глагола. Данный случай разбирается также в работе [Храковский 1987: 169-170].

диффикаторов так называемых «результативных глаголов»⁴ [Горелов 1984: 81; 1989: 54] (о *shàng* см. также [Антонян 1997]). С их помощью образуются сложные глаголы, которые обозначают уже «не просто действие как таковое, а определенный переломный момент в совершении этого действия — обычно момент достижения этим действием какого-либо результата...» [Яхонтов 1957: 91 и сл.]. Модификаторы «результативных глаголов» при этом дополнительно распределены с точки зрения сочетаемости с классами основных глаголов: глаголы каждого из классов сочетаются только с одним из модификаторов «результативного вида». Так, С. Яхонтов выделяет две группы «результативных глаголов»: глаголы первой группы образуют «результативный вид» при помощи *shàng* (*шан*) ‘подниматься’, а глаголы второй — при помощи *xià* (*ся*) ‘спускаться’ (почему-то в данной работе в связи с «результативным видом» упоминается только эта пара глаголов), ср.

nǎ-phi ‘написать’, *÷è-phi* ‘съесть’, *÷æbí-phi* ‘засеять’

и

öçí-nǚ ‘сесть’, *òí-nǚ* ‘снять (одежду)’, *äp-nǚ* ‘потерять’ [Яхонтов 1957: 92].

Как показано в работах В. Горелова, система «результативных модификаторов» является гораздо более развитой, ср.:

zhùshàng ‘прожить’ (с ‘подниматься’)

àishàng ‘полюбить’ (с ‘подниматься’)

shuōqǐ ‘заговорить’ (с ‘подниматься’)

fānxià ‘совершить’ (с ‘спускаться’)

xiǎngchū ‘выдумать’ (с ‘выходить’)

shuǐguò ‘проспать’ (с ‘проходить’)

xiàokāi ‘рассмеяться’ (с ‘двигаться в сторону’)

jiùhuí ‘спасти’ (с ‘двигаться обратно’) [Горелов 1984: 81; 1989: 54].

Итак, в китайском языке для передачи комплетивного значения используется (наряду с несколькими другими показателями) порядка десятка глаголов движения, распределенных по глаголам в зависимости от лексической семантики последних.⁵

2.2. Тайский вариант

В тайских языках в аналогичной функции используются глаголы ‘входить’, ‘выходить’, ‘подниматься’, ‘спускаться’, также распределенные по типам ситуаций: так, ‘вспомнить’ выступает в виде (тайский) *nyk4 khyn3*, т. е. ‘мыслить подниматься’, а ‘придумать’ — в виде (лао) *khyt3 mtk5*, т. е. ‘думать выходить’ [Морев 1991: 165]. (О результативной конструкции в чжуан см. [Москалев 1971: 188]).

Тем самым, даже когда глагол не связан с идеей перемещения в пространстве, модификатор «продолжает придавать ему некоторую воображаемую пространственную характеристику» [Плам 1965: 28]. При этом за каждая конкретная ситуация связана именно с определенным пространственным образом: так, в тайском глагол *лым* ‘забывать’ может сочетаться только с модификатором *най* ‘уходить’, но никак не с *ма* ‘приходить’, а глаголы *пут* ‘сказать’ или *твям* ‘чихать’ сочетаются только с модификаторами *ок-ма* (‘выхо-

⁴ В данной функции используется также около десятка глаголов, не относящихся к глаголам движения [Горелов 1989: 53].

⁵ В качестве примера можно привести также тангутский язык, где префиксы (исходно глаголы движения) направленности, образующие глаголы совершенного вида, также распределены по типам глаголов [Кепинг 1985: 176 и сл.].

дить' + 'приходить'), но не с *кау-най* ('входить' + 'уходить') или даже *кау-ма* ('входить' + 'приходить') (там же).⁶

Мы видим, что в основе каждого такого сочетания лежит некоторое переосмысление непространственной ситуации в пространственных терминах: действительно, ситуацию, например, говорения, легко представить себе как ситуацию «появления» речи из уст собеседника (речь его обращена к нам, т.е. «выходит» из его уст и «приходит» к нам).

Таким образом, в тайских языках для представления тех или иных ситуаций как условно пространственных важны прежде всего такие дейктические представления, как 'сюда' ~ 'отсюда' и 'внутри' ~ 'изнутри'.

2.3. Вьетнамский вариант

Во вьетнамском языке для обозначения «переломного момента в развитии действия или существовании признака» [Панфилов 1993: 186] используются 4 глагола движения — *đi* 'идти', *ra* 'выходить', *lại* 'приходить', который также используется как показатель рефактива (см. раздел 2.3.3.10.1) и *lên* 'подниматься', использующийся для обозначения начала ситуации и рассмотренный нами в разделе 2.6.3. Эти глаголы как части сложной конструкции также обозначают «результат действия или состояния, названного основным глаголом» и сочетаются не только с глаголами, но и прилагательными, ср.:

tìm 'искать' ⇒ *tìm ra* 'найти'

tỉnh 'бодрствовать' ⇒ *tỉnh ra* 'проснуться'

chết 'умирать' ⇒ *chết đi* 'умереть, уйти из жизни'

gầy 'худой' ⇒ *gầy đi* 'похудеть'

trẻ 'молодой' ⇒ *trẻ lại* 'помолодеть' [Панфилов 1993: 186-195; ВРС 1961: 181].

Имеется и распределение данных глаголов-модификаторов в зависимости от семантики основного глагола: так, *ra* сочетается с переходными глаголами ('искать', 'организовывать'), глаголами ментального состояния ('знать', 'помнить'), а также экспериенциальными ('слушать'), и прилагательными, обозначающими проявление «положительного» признака ('похорошеть', 'пополнеть'); напротив, *đi* — с глаголами, обозначающими исчезновение или утрату ('забывать', 'умирать', 'ломаться') и прилагательными, обозначающими проявление «отрицательного» признака ('подурнеть', 'похудеть') [Панфилов 1993: 190-193].

2.4. Индо-арийский вариант

Несколько отличается от предыдущих ситуация, имеющая место в индо-арийских языках, в подавляющем большинстве которых существует противопоставление «простых» глаголов и конструкций с так называемыми «векторными глаголами» (vector verbs, далее ВГ), представляющие собой сочетания одного из 10-15 вспомогательных глаголов с нефинитной форма смыслового глагола.⁷

В качестве ВГ выступают как глаголы движения (наиболее частотен в этой функции *jaa* 'идти/уходить', реже встречаются *aa* 'приходить', *uTh* 'rise, подниматься, вставать', *cal* 'move, ходить, двигаться'⁸), так и другие лексические единицы — 'брат', 'давать',

⁶ Данная ситуация напоминает сочетаемость имен с классификаторами (в языках, где последние распространены); в нашем случае, однако, важно еще и то, что глагол-модификатор не просто следует за основным глаголом, но и придает ему определенную аспектуальную характеристику.

⁷ Одной из гипотез возникновения подобных конструкций является идея о том, что они могли появиться под дравидийским или алтайским влиянием [Hook 1991: 61].

⁸ Переводы даны по [Hook 1991: 84; Липеровский 1984: 167]; в качестве «словарной» формы приводятся формы, указываемые в работе [Hook 1991].

‘бросать’, ‘оставаться’, ‘сидеть’, ‘класть’ и пр., — т.е. глаголы, обозначающие «изменение местонахождения или действие, вызывающие подобное изменение» [Hook 1991: 59-60].

По мнению П. Хука, конструкции с векторными глаголами (далее КВГ) в некоторых индо-арийских языках «стали частью системы регулярных семантических противопоставлений, частью глагольной парадигмы» и выражают перфективность⁹ (противопоставлены же они аспектуально немаркированным простым формам) [Hook 1991: 62]. В. Липеровский, рассматривающий КВГ на материале хинди, связывает данное явление с «категорией предельности» и сообщает о том, что «предельные формы» (т.е. КВГ) противопоставлены формам, «в которых признак предельности не выражен» [Липеровский 1984: 164 и сл.]. Т. Катенина говорит об «интенсивных и комплетивных» глаголах в хинди и маратхи [Катенина 1960: 70; 1963: 68].

С глаголами, обозначающими процессы (но не выражающими законченность сами по себе), КВГ выражают «полноту» (fullness) или «законченность» (completeness) действия [Hook 1991: 70]:

(6) маратхи [Hook 1991: 70]

ek dzaaNiv sagLyaa haal madhe sarsarun geli
an awareness entire hall in ripple WENT

Чувство беспокойство распространилось по всему (экзаменационному) залу.

С глаголами же состояния КВГ вводят в рассмотрение начальную фазу ситуации, наступление данного состояния [Hook 1991: 71]:

(7) хинди-урду [Hook 1991: 71]

is kalpanaa ke Dar mE Duubaa mAI so gayaa
this idea GEN fear in drowned I sleep WENT

Охваченный страхом из-за этой мысли, я уснул.

Рассмотрению особенностей тех или иных ВГ цитируемые авторы не уделяют достаточного внимания (мы приводим примеры с глаголом *jaa* как наиболее частотным ВГ); В. Липеровский отмечает, правда, что глаголу *jaa* свойственно употребляться с «оттенком удаления», при обозначении вхождения в состояние, в контексте «опрометчивости, ошибочности» действия; глаголу *aa* — с «оттенком приближения» и также при обозначении начала ситуации; глаголу *uTh* — при введении в рассмотрение ситуаций «внезапного начала», «проявления эмоции» или «поступательного приобретения состояния»; глаголу *cal* — при введении в рассмотрение начальной стадии длительного действия или с оттенком «постепенности» [Липеровский 1984: 174-180].¹⁰

2.5. Тюркский вариант (?)

Выше мы говорили о конструкциях с глаголами движения, имеющих комплетивное значение, в тюркских языках, причем не сравнивали эти конструкции между собой на предмет возможных ограничений (или предпочтений) на сочетаемость с теми или иными основными глаголами. Мы считали, что, даже если конструкции с разными глаголами движения в одном языке имеют одинаковое значение (комплетивное), их распределение не зависит от типа основного глагола, а связано в лучшем случае с теми или иными со-

⁹ Помимо перфективности, КВГ свойственно употребляться в контекстах предшествования; однако, в данном случае КВГ «со-выражают» (со-express) данное значение совместно с формами собственно относительного времени [Hook 1991: 62-63]. В связи с этим нам кажется более разумным считать значение предшествования не семантической характеристикой КВГ наряду с перфективностью, как это делает П. Хук, а вполне понятным следствием видового значения КВГ.

¹⁰ Вообще говоря, тот же автор отмечает, что различным ВГ свойственна лексическая избирательность: так, глаголы ‘есть’, ‘пить’, ‘смотреть’, ‘думать’ сочетаются только с ВГ *le* ‘брать’, в то время как ‘говорить’, ‘терять’, ‘бросать’ — с ВГ *de* ‘давать’ [Липеровский 1984: 167].

вмещенными с комплетивом аспектуальными значениями. Состояние исследований тюркских языков не позволяет нам, как правило, сделать более строгие выводы относительно распределения тех или иных комплетивных конструкций; тем не менее, материал некоторых языков позволяет нам сделать предположение о том, что, возможно, и здесь имеются некоторые закономерности.

Так, в хакасском языке аналитические формы с глаголами 'уходить', 'приходить', 'спускаться', 'брать', 'класть', 'давать' и др. прямо связываются с выражением «совершенного вида» («действие ограничено пределом») [ГХЯ 1975: 183 и сл.]; судя по примерам, значение данных конструкций действительно не отличается, так что не исключено, что их распределение связано как раз с семантическими (или таксономическими) типами основных глаголов. В чувашском языке ситуация похожа, хотя автор и предупреждает о том, что соответствие сложных форм с 'уходить', 'приходить', 'падать' и пр. с русским глаголам совершенного вида лишь «условное» [Материалы 1957: 180 и сл.].

Надеемся, в будущем проблема распределения конструкций с комплетивным значением в тюркских языках будет разрешена; пока же не вполне ясно, следует ли связывать их распределение с сочетаемостью или же с совмещением комплетивного значения с другими граммемами.

2.6. Дравидийский вариант (?)

Mutatis mutandis сказанное по поводу тюркских языков может быть верно и относительно дравидийских языков, в которых аналитические формы с видовым значением чрезвычайно распространены. Многие из таких форм имеют именно перфективное значение; по крайней мере, на это указывают существующие описания. Так, из 19 конструкций, отмечаемых в языке малаялам, 12 связываются с выражением «завершенности» [Секхар, Глазов 1961: 62-64]. Это отнюдь не исключение: для других крупных дравидийских языков авторы грамматик, как правило, отмечают наличие по крайней мере 3-4 конструкций со значением «законченности действия»; называются прежде всего конструкции с глаголами 'уходить', 'приходить' и 'оставлять, покидать'. Судя по достаточно подробной тамильской грамматике [Андронов 1987] конструкции с этими глаголами, а также с глаголами 'класть', 'бросать', 'отталкивать', 'кончаться' и пр. имеют довольно близкое значение; выяснение же распределения этих конструкций все еще остается делом будущих исследований.

2.7. Глаголы движения и перфектив «комплетивного типа»

Очевидно, в рассмотренных нами выше случаях мы имеем дело с явлением *неполной грамматикализации* аспектуального противопоставления. Несколько лексических единиц (в среднем не более десятка), среди которых важное, если не основополагающее, место занимают глагольные движения, используются для создания сложных перфективных («предельных», «результативных») форм, которые противопоставляются простым формам глагола, нейтральным с точки зрения аспектуальной характеристики. При этом, при образовании перфективных форм связь с исходной лексической семантикой «основных» глаголов еще слишком сильно дает о себе знать. Сочетаемость того или иного глагола с «перфективным» модификатором определяется семантикой основного глагола, что само по себе свидетельствует о слабой грамматикализованности вспомогательных единиц. Переосмысление происходит в каждом случае по особой метафорической модели, которая дает возможность представить любую, в том числе непространственную, ситуацию как разворачивающуюся в том или ином направлении. Глагольные лексемы языка делятся, тем самым, на семантические классы (в идеале непересекающиеся) в зависимости от сочетаемости с тем или иным «перфективным» модификатором.

Общим в функционировании этих глагольных модификаторов является то, что они позволяют ввести в рассмотрение не ситуацию в целом, а «высветить» ту или иную фазу ее развития — а именно, ее начало или, напротив, достижение предела. Результирующего

значение — то, какая именно фаза ситуации будет вводиться в рассмотрение — зависит от таксономического класса основного глагола. Таким образом, различные вспомогательные глаголы (движения и др.) предоставляют в данном случае механизм для перфективации, который благодаря расширению их сочетаемости распространяется на все глаголы языка.

Как представляется, использование вспомогательных элементов в описанной выше функции приводит к созданию в рассмотренных нами языках перифрастического перфектива «комплетивного типа», являющегося одним из типов перфектива, представленных в языках мира. Определяющим семантическим признаком для перфектива данного типа является ‘достижение естественного предела ситуации’. Комплетив обозначает определенную выделенную точку в составе ситуации: в случае с предельными процессами такой точкой является собственно момент достижения предела, в случае же с непредельными или стативными ситуациями — вступление в начальную фазу (инхоативный подтип).¹¹

Часто языки выбирают в качестве средства перфективации глаголы движения (хотя, как мы видели, не только их). Связано это с тем, что глаголы движения являются едва ли не лучшими представителями тех понятий, которые связаны в человеческом сознании с идеей изменения. Ситуация движения всегда предполагает изменение — изменение местоположения субъекта, прекращение его пребывания в одной точке пространства и начало его локализации в другой. Изменение имеющегося положения дел может заключаться как в том, что начинает иметь место некоторая ситуация, которой не было до этого (ср. схему 1б), так и в том, что некоторая ситуация достигает предела развития и прекращается (ср. схему 1а).

Ситуация меньшей грамматикализованности вообще свойственна комплетивному перфективу именно вследствие того, что семантический признак, на котором он основан, тесным образом связан с семантикой глагольной лексемы. Так, можно говорить о корреляции между словообразовательным характером аспектуальных противопоставлений и тенденцией иметь перфектив данного типа [Плунгян 1998а]. Вообще говоря, ситуация в языках, о которых шла речь в данном разделе, находит близкие параллели с ситуацией в таких признанных «видовых» языках, как славянские, венгерский или грузинский, в которых выражение аспектуального противопоставления связано с механизмом префиксации, причем немаловажное место среди приставок занимают и имеющие исходно пространственное значение (при этом разные видовые приставки сочетаются с разными глаголами¹²). Нам представляется, что материал рассмотренных нами языков также подтверждает указанную тенденцию и может служить отправной точкой для дальнейших типологических обобщений.

Одной из важнейших проблем, как было указано, является выяснение распределения разных перфективирующих конструкций в случае, если в языке имеется целая система вспомогательных глаголов, использующихся в данной функции. Как представляется, могут существовать следующие основания для разделения типов «систем перфективаторов»:

А. Распределение перфективаторов связано с разделением смысловых глаголов на классы с точки зрения их лексической семантики (ср. выше китайский и тайский

¹¹ О взаимосвязи комплетивного и инхоативного значений (называемых ею «результативным» и «начинательным») пишет и К. Антонян [Антонян 1990: 194].

¹² Хотя вопрос о распределении видовых приставок в славянских языках далек от окончательного разрешения, очевидно, что выбор приставки зависит от семантики глагольного корня. (См. обзор проблематики в [Кронгауз 1998: 55-98].)

варианты). В этом случае значение смыслового глагола и значение вспомогательного глагола-перфективатора как бы согласуются друг с другом: например, факт сочетаемости глагола 'забывать' с перфективатором 'уходить' (см. выше) может объясняться тем, что ситуация 'забывать' мыслится как удаление некоторого объекта (того, что забывается) из памяти субъекта.

Б. Можно предположить, что разные перфективаторы будут сочетаться с разными смысловыми глаголами, но не с точки зрения лексической семантики последних, а с точки зрения их принадлежности тому или иному таксономическому классу («семантическому типу предиката»), т.е. в зависимости от того, является ли смысловой глагол предельным, непредельным, пунктивным и т.п.

В. Различные перфективаторы могут отличаться не столько по сочетаемости со смысловыми глаголами, сколько по «оттенкам» собственного значения. Так, для моментальных глаголов типа 'бросать' нередко отмечается, что они обозначают не просто начало действия или его завершение, но имеют «оттенок внезапности» или «неожиданности» совершения действия. В таких случаях связь с исходным лексическим значением вспомогательной единицы проявляется более отчетливо, что характерно для слабой степени грамматикализации в целом.

- Алпатов В. М.* Вспомогательные глаголы приближения и удаления [в японском языке]. Рукопись.
- Андронов М. С.* Грамматика тамильского языка. М., 1987
- Антонян К. В.* Семантика глагольного дополнительного элемента *shang*: от лексических значений к грамматическим // Глагольная префиксация в русском языке (сборник статей). М., 1997
- Вольф Е. М., Никонов Б. А.* Португальский язык. М., 1967
- Горелов В. И.* Лексикология китайского языка. М., 1984
- ГСБЯ 1981* = Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981
- ГХЯ 1975* = Грамматика хакасского языка. М., 1975
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. М., 1961
- Катенина Т. Е.* Язык маратхи. М., 1963
- Катенина Т. Е.* Язык хинди. М., 1960
- Липеровский В. П.* Глагол в языке хинди. М., 1984
- Материалы 1957* = Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть 1. Морфология. Чебоксары, 1957
- Морев Л. Н.* Сопоставительная грамматика тайских языков. М., 1991
- Москалев А. А.* Грамматика языка чжуан. М., 1971
- Никонов Б. А.* Грамматика португальского языка. М., 1981
- Панфилов В. С.* Грамматический строй вьетнамского языка. СПб., 1993
- Плам Ю. Я.* Морфологические категории в тайском языке. М., 1965
- Плунгян В. А.* Грамматические категории, их аналоги и заместители. Автореф. дисс. ... докт. фил. наук. М., 1998б
- Плунгян В. А.* Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Типология вида: проблемы, поиски, решения. (Отв. ред. М. Ю. Черткова.) М., 1998а
- Секхар Ч., Глазов Ю. Я.* Язык малаялам. М., 1961
- Смирнова М. А.* Язык хауса. М., 1960
- СТЛЯ 1969* = Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М., 1969
- Убрятова Е. И.* Язык норильских долган. Новосибирск, 1985
- Харитонов Л. Н.* Формы глагольного вида в якутском языке. М.—Л., 1960
- Юлдашев А. А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965
- Яхонтов С. Е.* Категория глагола в китайском языке. Л., 1957

Bybee J. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam: Benjamins, 1985

- Bybee J., Dahl Ö.* The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in language* 13-1, 1989
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: Chicago university press, 1994
- Comrie B.* Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976
- Dahl Ö.* Tense and aspect systems. Oxford, 1985
- Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F.* Grammaticalization: a conceptual framework. New York: Oxford University Press, 1991
- Heine B., Reh M.* Grammaticalization and reanalysis in African languages. Hamburg: Buske, 1984
- Hook P. E.* The emergence of perfective aspect in Indo-Arian languages // Traugott, Heine (eds.) 1991, vol.2 : 59-89
- Hopper P. J., Traugott E. C.* Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1993
- Krishnamurti Bh., Gwynn J. P. L.* A grammar of modern Telugu. Delhi, 1985
- Lehmann Ch.* Thoughts on Grammaticalization: A programmatic sketch. Köln: Universität, 1982
(*Revised edition:* München Newcastle: Lincom Europa, 1995)